

Л.С. Черной

В статье рассмотрены специфика и история становления предпринимательской этики в дореволюционной России, а также ее трансформации в период российских революций, далее в советскую эпоху в период нэпа и позже в артельно-кооперативных формах, а затем в «теневой» системе частного предпринимательства и, наконец, в поздне- и постсоветский периоды реформ. Показано, что несколько этапов ломки массовой этической нормативности «на переломах эпох» не могли не приводить к серьезным разрушениям морально-ценностного фундамента жизни во всех социальных группах и во всех стратах общества. Показано, что «переломы эпох» приводили к долговременным и болезненным разрывам между внешней нормативностью государства (нормами писаного права) и внутренней нормативностью граждан, сообществ и общества (массовой моралью и «правом обычая»). Показано, что в советский период власть при организации экономики в значительной степени опиралась на преемственную моральную общинную специфику массового самосознания, включая общинные формы коллективного поощрения и наказания, а также на трансформированные в терминологии коммунизма религиозные этические заповеди. Установлено, что поздне- и постсоветские «рыночные» трансформации экономического законодательства, целенаправленная дискредитация массовых нормативно-этических пред-

© Черной Л.С., 2018 г.

Черной Лев Семенович, д.э.н., профессор, директор Института перспективных научных исследований, Москва, info@mir.ru

ставлений советской эпохи, а также в существенной части незаконная и мошенническая приватизация советской общенародной собственности привели к глубокому хаосу во всей российской институционально-нормативной системе, обеспечивающей экономическую деятельность и социальную устойчивость. Показано, что это создает серьезные препятствия для успешного развития российской государственности.

Ключевые слова: предпринимательская этика, кооперативы, артели? маркетингизация, неформальные институты, криминализация, коррупция, негативные экстерналии.

JEL: N80.

ВВЕДЕНИЕ

Сейчас в условиях продолжающегося глобального экономического кризиса и развернувшейся против России «войны санкций» российское сообщество экономистов все чаще обращается в вопросу о том, как и какую рыночную экономику мы строим? При обсуждении этого вопроса неизбежно формулируются ретроспективные оценки тех мер, которые предпринимались российской государственной властью в ходе преобразования государства и общества на различных этапах нашей истории, включая постсоветский переход общества и экономики от планового административно-регулируемого типа к рынку и демократии.

Обсуждение этих вопросов идет давно, с этапа первых российских рыночных и политических реформ в конце XX в. Но именно сейчас, когда удар одновременно кризиса и санкций вновь обнажил ряд острых стратегических проблем российской экономики, обсуждение этого круга вопросов становится особенно важным и актуальным.

В то же время нельзя не отметить, что нынешние обсуждения указанных проблем в основном сводятся к вопросам о сугубо нормативных мерах, призванных переломить кризисные тенденции. То есть к вопросам реформирования формальных (законодательных)

экономических институтов. Однако при этом почти не затрагиваются проблемы состояния общества, в том числе предпринимательского сообщества, которые в нашей экономической реальности фактически предъявляют далеко не благостный характер сложившихся в постсоветской России *неформальных экономических институтов*, включая такой важнейший неформальный институт, как массовая социальная и *предпринимательская этика*. По сути, обсуждения этических проблем в экономике редко выходят за рамки темы коррупции.

Представляется, что обстоятельный анализ того, как предпринимательская этика формировалась и трансформировалась в истории России, а затем в советскую, позднесоветскую и постсоветскую эпоху, сейчас, в период переосмысления содержания и институциональной эффективности российской экономической политики, является и актуальным, и необходимым.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЭТИКА ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Этические нормы Древности и Средневековья почти всегда строились на доминирующем религиозном фундаменте. В отношении этого фундамента преимущественно православная Россия существенно отличалась от ближайших европейских католических и протестантских соседей.

В российском православии в отличие от европейского католицизма отсутствовали догматические обоснования «чистилища» как возможности «избыть» часть прегрешений и практика индульгенций как возможности хотя бы частично лично откупиться от грехов. Грех греха – даже после его отпущения на исповеди – православный человек нес и избывал сам.

В отличие от европейского протестантизма у России никогда не было массового исторического опыта жизни в «бogoоставленном» мире, полностью предоставленном пре-

образующей воле человека. Протестантизм, который, как показал Макс Вебер (Вебер, 1990), действительно стал одной из главных религиозных опор новоевропейской предпринимательской этики, в России всерьез и масштабно пустить корни не смог.

С одной стороны, в православии не было протестантского акцента на сугубо личном спасении и других оснований для личного активного индивидуализма, но в то же время действовала достаточно сильная тенденция ориентироваться на коллективное спасение. Этот религиозный посыл устойчиво поддерживала и преобладающая специфика хозяйствования на российских просторах в российском климате. Здесь, как правило, выживание семьи и рода относительно надежно обеспечивала лишь *общинная форма организации экономической жизни* (Черной, 2004).

С другой стороны, российское православие в меньшей мере, чем это произошло в Европе, смогло искоренить в сознании широких народных масс такие дохристианские верования, которые содержали элементы языческого пантеизма. Не случайно Георгий Федотов писал: «Наше православие – русское христианство, компромисс между славянским язычеством и византийским православием» (Федотов, 1991). Это свойство проявлялось и в прочной связке между рядом унаследованных языческих и воспринятых христианских праздников и в длительной – в некоторых регионах страны вплоть до настоящего времени – приверженности дохристианским обрядовым действиям: заклинанию дождя, остановке нашествия грызунов и т.п.

По этим причинам в массовой этике «старой России» безудержный личный предпринимательский активизм протестантского типа, допускавший и даже поощрявший преобразующее насилие человека над природой (землями, лесами, водами и т.д.), ощущался как дело несправедливое и греховное – как посягательство на «Бога, разлитого в природе и людях». В том числе стремление к безудержному обогащению за счет такой преобразующей активности нередко воспринималось как

посягательство на то, что принадлежит Богу и дается людям лишь в дар пользования. В частности, вряд ли случайно в российском православии достаточно активным и влиятельным течением оказалось *нестяжательство* (Романенко, 2003).

В связи с этим нельзя не заметить, что начиная с XVIII в. наиболее успешными российскими предпринимателями становились, как правило, старообрядцы. Именно их, в значительной мере принявших после раскола тезис о богооставленности Земного мира и спасении в деятельности, не случайно многие исследователи называли «русскими протестантами» (Зеньковский, 1995) или с ними сравнивали (Глинчикова, 2003).

Эти особенности массовой российской традиционной этики, как представляется, стали одной из важных причин того, почему в России капитализм начал формироваться намного позже, чем в Европе, и нередко принимал необычные для Европы формы. В частности, в предпринимательской среде России – и не только среди староверов – было широко распространено сомнение в государственных гарантиях заключенных сделок и соответственно особую роль играло доверие к контрагенту. Так, если в Европе практика юридически закрепленных договорных отношений активно развивалась уже в раннем Средневековье, то в России еще в начале XX в. вполне обыденным способом заключения договора было заявленное его участниками «честное купеческое».

По этим же причинам в России массовое сознание с подозрением относилось ко всем проявлениям радикального предпринимательского индивидуализма, и особую устойчивость приобрели общинно-коллективистские – кооперативные и артельные – формы ведения хозяйства (Черной, 2004). В таких формах их участники были равны, а руководителей, как правило, избирали сами участники.

В частности, есть немало исторических свидетельств того, что планы Столыпина разрушить крестьянскую общину в очень многих случаях встречали ожесточенное сопротивление общинников (Сенчакова, 1989). И, ве-

роятно, с этой же спецификой национальной предпринимательской этики связаны несомненные успехи развития в России в конце XIX – начале XX в. кооперативного (артельного) предпринимательства (Давыдов, 1996). Так, например, Сибирский союз маслодельных артелей в составе более 400 кооперативов к 1912 г. поставлял высококачественное масло не только во многие регионы России, но и в Лондон.

Массовая секуляризация социальной жизни в России происходила гораздо позже, чем на Западе. И потому активность российского предпринимательства была еще в начале XX в. достаточно жестко ограничена религиозной этикой общества. В то же время индустриализация России на рубеже веков, осуществляемая в большой степени за счет западных капиталов и западных корпораций (и соответственно массовое включение в российское предпринимательство неправославных «инородцев» и развитие экономического законодательства западного образца), активно размывала эту этику и начинала обесценивать традиционное «честное купеческое».

Одной из реакций на этот процесс стало принятие российским деловым сообществом в 1912 г. Семи принципов ведения дел в России¹. Это был, по сути, неофициальный этический кодекс, следование которому в большой степени определяло право вхождения в круг крупных российских предпринимателей: «уважай власть; будь честен и правдив; уважай право частной собственности; люби и уважай человека; будь верен своему слову; живи по средствам; будь целеустремлен».

Первая мировая и особенно Гражданская войны нанесли тяжелейший удар и по «внешней» нормативности законоисполнения, и по «внутренней» нормативности граждан, т.е. по всему комплексу морально-этических представлений народов России, которые оказались в них вовлечены. В связи с этим

подчеркнем, что, как показывает мировая история, ничто так не разрушает укорененную в традиции нормативность, как беспощадная война «брат на брата». И ничто так не разрушает внешний, законодательный контроль над обществом, как масштабные и систематические нарушения законности, особенно в условиях военных действий. А в их числе были не только низовые солдатские и бандитские грабежи и мародерство, но и предпринимаемые властями воюющих стран грубейшие нарушения права собственности граждан в форме экспроприаций и «продразверсток».

Как свидетельствовал военный цензор в ставке Верховного главнокомандующего Михаил Лемке, уже в 1915 г. армия из-за плохой работы интендантских служб «начала грабить население» (Лемке, 2003).

Далее, в декабре 1916 г. был выпущен Указ о хлебной продразверстке со всех производящих губерний по установленным государством ценам. Затем Временное правительство в апреле 1917 г. выпустило Декрет о хлебной монополии, который обязывал сдавать государству все зерно, кроме необходимого для личных нужд производителей. Наконец в мае 1918 г. советское правительство издало Декрет о продовольственной диктатуре, а в январе 1919 г. – Декрет о продразверстке, аналогичный распоряжениям царского и Временного правительств. В 1920 г. в ходе Гражданской войны советское правительство распространило продразверстку почти на все сельскохозяйственные продукты.

Таки образом, Первая мировая, две революции и Гражданская война не могли не подорвать тяжелейшим образом и общенародную, и предпринимательскую этику. И одновременно не могли не обрушить доверие к государственной власти, которая допускала или даже нормативно санкционировала столь грубые и очевидные нарушения законодательства, в том числе в сфере права собственности. (Напомним: советская власть декларировала отказ только от частной собственности на средства производства, позволяющей эксплуатировать других людей.)

¹ Семь принципов ведения дел в России. URL: <http://kpp-russia.ru/club/dokumenty/sem-principov-vedeniya-del-v-rossii-1912-g/>.

СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА «ДЕМАРКЕТИЗАЦИИ» И «МАРКЕТИЗАЦИИ» АДМИНИСТРАТИВНО- РЕГУЛИРУЕМОЙ ЭКОНОМИКИ

Именно с катастрофическим падением нравов – вместе с почти тотальным разрушением основ хозяйственной жизни в западных губерниях – столкнулась в начале своего становления советская власть. Ее ответом стал военный коммунизм, при котором рыночные отношения из экономики почти полностью исчезли. Бандитизм, беспризорность, воровство на фоне разорения значительной части крестьян, хозяйственной разрухи и практической недееспособности большинства ново-созданных органов власти и экономического управления – в таких условиях начиналась разработка экономической политики нового государства.

Однако уже в начале 1920-х гг., когда завершение Гражданской войны потребовало от новой власти форсированного хозяйственно-экономического восстановления страны, перед руководством Советской России встал вопрос о роли рынка и рыночных отношений в послереволюционной экономике.

Хорошо известно, что споры в высшем эшелоне советской власти по вопросам допустимости или недопустимости отхода от принципов социализма (включая запрет на частную собственность на средства производства) и перехода к новой экономической политике (нэп) в тот период были предельно острыми (Ульянова, 2010). Также известно, что именно нэп с его политикой «маркетизации» значительной части экономики позволил запустить в стране механизмы товарного производства жизненно необходимой продукции и уже к 1926 г. решить основные проблемы физического выживания населения.

Вопрос о свертывании нэп также стал предметом острой полемики в верхах партии и хозяйственной власти (и, заметим, является темой дискуссий до сих пор).

Исторические данные показывают, что отмена нэп вовсе не была связана, как это утверждают некоторые авторы, с «антикапиталистическим ражем» революционной верхушки советской власти (Такер, 1991). Нэп был отменен по той главной причине, что он, в принципе, не позволял государству накопить финансовые ресурсы для форсированного развития национальной экономики. И прежде всего для индустриализации, без которой СССР просто не мог выжить во враждебном окружении мощных империалистических государств (Как ломали нэп, 2000).

Кроме того, быстро выявилось, что нэп очень активно вовлекает в коррупционные отношения с частным бизнесом и прямое воровство значительную часть хозяйственной бюрократии и руководства государственных предприятий, резко снижая общеэкономическую и финансовую эффективность производства как в частном, так и в государственном секторе. Это очень подробно показал в своей вышедшей в 1927 г. брошюре один из видных советских экономистов Юрий Ларин (Ларин, 2000). Одновременно и в докладах правоохранительных органов, и в газетных хрониках времен нэп отчетливо отражались резко возросшие масштабы как экономической, так и бытовой и уголовной преступности.

Свертывание нэп, начиная с 1929 г. почти полностью ликвидировало частно-кооперативный сектор на селе (принудительность значительной части колхозного строительства была фактически отрицанием сложившихся до революции форм кооперации) и существенно сократило промышленный частно-кооперативный (артельный) экономический сегмент в городе.

Тем не менее при проведении коллективизации и раскулачивания советская власть достаточно активно использовала социокультурные особенности дореволюционной крестьянской общины, прежде всего ее стремление обустроить жизнь и хозяйство общинным «миром», а также возникшее еще во время столыпинских реформ острое массовое неприятие кулаческой эксплуатации батраков.

Но и сталинская индустриализация проводилась в первую очередь руками вытесненных из деревни коллективизацией недавних крестьян, которые не могли не переносить в город навыки и образ жизни породившей их общины. Этот новый пролетариат воспроизводил общинность в «барачной» жизни индустриальных поселков и организовывал и выстраивал постдеревенский «мир» (со всеми его традиционными формами коллективной репрессии и коллективного поощрения) почти во всех сферах социальной и хозяйственной жизни, включая нормы бытового поведения, отношение к труду и т.д.

Общинность порождала проблемы – например, «общинную» репрессию индивидуальных достижений («не высывайся, будь как все»), которая сохранялась очень длительное время и в некоторой мере определяет трудовую этику части российского общества и по сегодняшний день. Известно, что советская власть в попытках поднять производительность и качество труда сумела наладить широкое, постоянное и массовое трудовое соревнование лишь там и лишь тогда, когда оно было организовано не на уровне отдельных работников (индивидуальное «стахановство»), а на уровне бригад, т.е. трудовых (заметим, что нередко заодно и «общежительских») коллективов.

В значительной мере благодаря этому промышленная кооперация (т.е. частично «рыночный» сектор советской экономики) существовала и работала как в годы сталинских пятилеток, так и во время Великой Отечественной войны и после нее. Подчеркнем: советская власть активно поощряла *артельность*. Уже в первой советской пятилетке был запланирован рост числа кооперативов (артелей) в 2,6 раза. Артели освобождались от большей части налогов, поддерживалась выборность руководства из членов артели. Власть поддерживала артельную систему и далее, в годы следующих пятилеток, и во время Великой Отечественной войны, и после нее.

В связи с этим стоит напомнить малоизвестные факты: первые советские ламповые радиоприемники и радиолы в начале–середине

не 1930 г. выпускала ленинградская артель «Прогресс-радио». Эта же артель в 1939 г. вывела на потребительский рынок первый советский телевизор². А в годы Великой Отечественной войны ряд кооперативов выпускал не только бытовые товары, но и боеприпасы и даже оружие³. В частности, в блокадном Ленинграде артели на собственном оборудовании производили боевые автоматы ППС (пистолеты-пулеметы Судаева).

Война, конечно, изменила радикальным образом в административно-командном ключе рыночно-кооперативный сектор советской экономики и не могла не привести к новым эксцессам «повреждения нравов». Военное и послевоенное воровство и бандитизм хорошо известны и по специальным исследованиям, и по художественной литературе и фильмографии.

Тем не менее после войны советские и партийные органы, учитывая необходимость трудоустройства и вовлечения в созидательную работу огромных масс инвалидов и ограниченно трудоспособных демобилизованных, уделяли развитию промышленной кооперации особое внимание. Ее не только восстанавливали, но и заметно расширяли.

Так, по данным (Елютин, 2003) на момент смерти И. Сталина, в 1953 г., в СССР «в системе промышленной кооперации насчитывалось свыше 114 тыс. мастерских и промышленных предприятий, где работали 1,8 млн человек. Они производили 5,9% валовой продукции промышленности, до 40% мебели, до 70% металлической посуды, более трети верхнего трикотажа, почти все детские игрушки... в систему промысловой кооперации входило 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и два научно-исследовательских института».

Закат советской промышленной кооперации начался во время реформ Н.С. Хру-

² Делягин М. Сталинский рынок // Известия. 2013. 6 фев. URL: <http://izvestia.ru/news/544390>.

³ Песоцкий А. Артели и кооперативы: основа трудового среднего класса. 21.11.2013. URL: <http://www.sensusnovus.ru/analytics/2013/11/21/17511.html>.

щева, с 1956 г., когда вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О реорганизации промысловой кооперации»⁴. Это постановление предусматривало поэтапную ликвидацию хозяйственного сектора промысловой кооперации и передачу собственности кооперативных предприятий в ведение государственных органов. Уже в конце 1950-х гг. в СССР в качестве разрешенных форм кооперации и индивидуального рыночного производства сохранялись лишь *артели* народных художественных промыслов, золотодобытчиков, инвалидов, мелкое бытовое обслуживание, а также жилищно-строительные кооперативы (Вахитов, 1998).

Один из главных результатов борьбы с кооперацией во времена Хрущева состоял в том, что ее значительная часть ушла в экономическую «тень», работая с государственными предприятиями по коррупционным схемам приобретения сырья и использования производственных фондов и реализуя продукцию на «черном рынке».

Именно тогда и таким образом в условиях потребительского товарного дефицита в СССР начал укрепляться и расширяться теневой сегмент экономики, вместе с его «нормами» криминального или полукриминального рынка и специфической «теневой» предпринимательской этикой.

Это означало, что в течение жизни поколения советских граждан 1950–1980-х гг. в стране практически исчез легальный «рыночный» сектор экономики, а вместе с ним и люди, способные и готовые применять навыки организованной хозяйственной работы на законном, легальном рынке.

Вместе с этими людьми исчезали и морально-этические нормы рыночного предпринимательства, которые, подчеркнем, являются необходимым неформальным дополнением формальных рыночных институциональных

норм. Индивидуальное предпринимательство, сосредоточенное в сфере сельскохозяйственного производства для продажи продукции на колхозных рынках, не могло ни по масштабам, ни по уровню институциональной организации восполнить эту потерю кооперативного рыночного института и его этических нормативов.

При этом отметим, что советская государственная система 1960–1980-х гг. при реализации своей законодательной, информационно-пропагандистской и культурной политики настойчиво дискредитировала подавляющую часть принципов частно-предпринимательской этики, в том числе обличая «нетрудовое обогащение» за счет продажи по свободным ценам продукции приусадебных хозяйств на рынках, ставя его на одну доску со «спекуляциями» в торговле, а также «теневым предпринимательством» — использованием сырья и незагруженных производственных мощностей государственных предприятий для изготовления на продажу «неучтенной» продукции товаров народного потребления. Обличение всех форм частного и кооперативного предпринимательства как криминальных и этически неприемлемых имело место не только в соответствующих статьях Уголовного кодекса, но и в печатной периодике, детективной литературе, популярных кинофильмах и телевизионных сериалах.

ПЕРЕСТРОЕЧНАЯ «ЛОМКА» СОВЕТСКОЙ ХОЗЯЙСТВЕННО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Как мы обсуждали ранее (Черной, 2014б), перестроечная маркетизация советской экономики началась в тот момент, когда глобальный «рыночный» мир проходил свою очень масштабную и болезненную перестройку.

Эта перестройка включала, во-первых, «неолиберальный поворот» администраций М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в

⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 апреля 1956 г. № 474 «О реорганизации промысловой кооперации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901704896>.

США, который ломал созданную после Второй мировой войны в большинстве развитых стран систему «социального государства», а также ввел в предпринимательскую этику нормы воинствующего индивидуализма, личного успеха, стремления к максимальной прибыли и активному расширению потребления, которые якобы являются не только базисом эффективного предпринимательства, но и единственной и неотменяемой основой экономического развития общества в целом.

Отметим, что такой концептуальный поворот, как мы обсуждали ранее (Черной, 2014а), означал дальнейший фундаментальный отход от того типа протестантской этики, которая, по Веберу, создавала классический капитализм. Но обсуждение социальных издержек этого концептуального поворота почти на всем рыночном Западе откровенно объявлялось «аномалией социалистического мышления» и помехой экономическому развитию. Такие этические акценты, распространяясь на растущее число развитых и развивающихся стран мира, привели в этих странах к фундаментальным общественно-политическим сдвигам, которые многие специалисты считают фактическим «разрывом социального контракта» (Marquand, 1988).

Эта глобальная рыночная перестройка включала, во-вторых, форсированную «финансиализацию» глобальной экономики. Одним из ее побочных результатов стало быстрое разрушение этических предпринимательских ценностей, связанных с владением и управлением материальными активами, и одновременный рост психологической значимости финансового эквивалента этих активов как самодовлеющей ценности (Черной, 2014б).

Позднесоветские политики и экономисты, которые задумывали (и организационно и пропагандистски сопровождали) отечественную перестройку, полностью и целиком взяли на идеологическое вооружение описанную выше специфику нового мейнстрима западной рыночной перестройки. По сути, это был радикальный экономический неолиберализм в духе политики Рейгана и Тэтчер, с его

фактическим отождествлением демократии и свободы – с рыночными отношениями между людьми-индивидуалистами, которые ориентированы на прибыль и считают высшими ценностями расширенное потребление товаров, услуг, впечатлений, эмоций.

Однако наши «прорабы перестройки» понимали, что предъявить такую специфическую этику народам СССР как новую, единственно справедливую морально-этическую норму невозможно и социально-психологически, и политически.

По этой причине советская перестройка с самого начала была основана на идеологических мифах и фальсификациях, на пропагандистских двусмысленностях и откровенной лжи. Лидеры перестройки позже признавались, что лозунги «очищения социализма», «новых социалистических реформ» и «построения социализма с человеческим лицом» были им нужны лишь для смягчения массового психологического шока, связанного с фундаментальной сменой целевых и ценностных ориентиров подавляющего большинства населения СССР. А главным содержанием перестройки, скрывающимся за этими лозунгами, были, во-первых, полный слом власти КПСС, а во-вторых, максимально быстрая и полная маркетизация советской экономики.

Так, один из главных идеологов кардинальной ломки советской политической и экономической системы, член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев в 2001 г. откровенно признался: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить – другого пути не было. Мы должны были – и в этом специфика перестройки тоталитарного строя – сломать тоталитарную коммунистическую партию» (Нузов, 2001). Тогда же А.Н. Яковлев еще раз признал, что речь шла не о реформировании, а именно о ломке прежнего советского экономического, социального и политического строя: «Советскую систему невозможно было реформировать». И далее: «Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрыва-

ясь при этом интересами совершенствования социализма» (Яковлев, 2001).

Конечно, в период советской перестройки подобные «признания» на высшем политическом уровне публично не звучали. А вот в перестроечной прессе, включая «Московские новости», «Комсомольскую правду», журналы «Новый мир», «Огонек» и т.д. (которые, напомним, в тот период находились под полным контролем идеологического отдела ЦК КПСС), валом шли публикации о необходимости тотальной ломки советского политического, экономического и социального строя. Особенно сильный удар этого рода публицистики по массовому сознанию пришелся на 1987 г.

В качестве наиболее знаковых экономических публикаций того периода стоит назвать, в частности, статью Н. Шмелева «Авансы и долги» (Шмелев, 1987), в которой автор подвергал плановую советскую экономику предельно жесткой критике и провозглашал категорическую необходимость перехода к экономике рыночной. Отметим, что эта статья широко обсуждалась не только во множестве советских изданий, но и за рубежом. Заодно отметим, что в 2009 г. Н. Шмелев в интервью «Расплата за “авансы и долги”» признал катастрофический для страны результат своей статьи и заявил: «Сейчас жалею, что начал перестройку!» (Шмелев, 2009).

В том же 1987 г. в том же «Новом мире» вышла (под псевдонимом Лариса Попкова) статья «Где пышнее пироги» экономиста Ларисы Пияшевой. Пияшева писала: «Нельзя быть немножко беременной... Либо действующая по точным, жестким, одинаковым для всех и каждого законам рыночная экономика со всеми ее плюсами (эффективность, например) и минусами (огромное неравенство доходов, безработица...), либо плановое обобществленное хозяйство – тоже со всеми его плюсами (например, уверенность человека в завтрашнем дне) и минусами (дефициты, бесхозяйственность)» (Попкова, 1987).

РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОГО КОМПЛЕКСА

Подчеркнем: моральные и ценностные основания предпринимательской этики нигде и никогда не могут «всерьез и надолго» отрываться от массовой этики общества. «Програбы перестройки» масштаба А.Н. Яковлева, Ю. Афанасьева и т.п. это хорошо понимали. И главным инструментом нормативно-этического поворота «к рынку» сделали сначала расшатывание, а затем и шоковую ломку базовых норм массовой этики советского гражданина.

«В одном пакете» с обличениями советской экономики и призывами к немедленному переходу к «рынку» в этот же период времени в советской прессе буквально «валом» шли обвинения граждан СССР в том, что в советскую эпоху они «заразились» неправильным менталитетом, несовместимым с демократией и гражданскими свободами западного образца. В этой прессе (еще раз напомним, полностью контролируемой ЦК КПСС) в ход массированно пошли такие «диагнозы» советского человека, придуманные на Западе в эпоху холодной войны, как «гомо советикус» и «совок». А это, отметим, уже прямое антропологическое унижение, отделяющее советского человека от «гомо сапиенс» – «человека разумного».

Так, например, еще в 1982 г. советский философ, диссидент-эмигрант А. Зиновьев выпустил в Мюнхене книгу «Гомо советикус», где писал: «На Западе умные и образованные люди называют нас “гомо советикусами”. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле. <...> Я введу более удобное сокращение для этого длинного выражения – гомосос» (Зиновьев, 2000).

В 1985 г. еще один советский эмигрант-диссидент историк М. Геллер в изданной в Лондоне книге «Машины и винтики» дал следующее определение: «“Гомо советикус” –

комплекс качеств, черт характера, которые имеются – в разной пропорции – у всех людей, живущих в Советском Союзе... В условиях системы советского типа, в результате социальной дрессировки, эти качества, эти черты начинают развиваться, расти, становятся доминирующими» (Геллер, 1994).

В 1987 г. в журнале «Огонек» вышла статья американского психолога Фриды Порат, в которой автор развивала тему «гомо советикус»: «Беру на себя смелость утверждать, что “хomo советикус” – это диагноз. Да-да! Вы ищите выход из кризиса в экономических, политических реформах, но совершенно не вспоминаете о психологии... В чудовищном тоталитарном государстве, созданном Сталиным, были невероятно деформированы представления о добре и зле...» (Порат, 1987).

Третьим направлением подавления «советского» сознания в тот же период стала «информационно-культурная» политика, направленная на формирование «новых представлений о добре и зле».

Приведем несколько наиболее ярких образцов этой политики из позднесоветского кинематографа.

Вот, например, фильм «Покаяние» Тенгиза Абуладзе (1987 г.), в котором сын совершает немыслимое с точки зрения традиционной (и в особенности горской) этики: выкапывает из могилы и сбрасывает со скалы, т.е. выбрасывает на помойку, труп собственного отца!

Или фильм «Маленькая Вера» Василия Пичула (1988 г.), в котором на фоне тусклой беспросветности позднесоветской жизни молодежи небольшого городка впервые показана откровенная сцена секса. Знаменательно, что критика трактовала сюжет именно как молодежную манифестацию протестного выхода из «безысходности совка».

И наконец «Интердевочка» Петра Тодоровского, где главная героиня – медсестра и одновременно валютная проститутка – показана как образец современной женщины, целеустремленной и эмансипированной, решительно идущей к своей цели – выбраться из «совка» за границу и вести там богатую

жизнь. Стоит отметить, что при обсуждении фильма в прессе сообщали о получении редакциями множества писем от юных девочек. Они писали о том, что они определили цель своей жизни: стать валютной проституткой.

Далее немало этически «шоковых» сюжетов в то время выходило в ряде популярных информационных программ и ток-шоу на основных каналах советского телевидения: «600 минут», «12 этаж» и др.

Однако наиболее массовым «жанром» в сфере этической ломки советского массового сознания в тот период, видимо, была *импортная кинопродукция*, которую в изобилии предоставляли зрителям растущие, как грибы после дождя, видеосалоны. Эти видеосалоны во многих регионах СССР нередко предлагали зрителям, в том числе молодежи и даже детям, и в самом салоне, и для домашнего просмотра продукцию этически скандального содержания, от кровавого садизма до откровенной порнографии.

Идеологический смысл этого этапа ломки массовой этики «совка» определил в майском номере журнала «Вопросы философии» за 1992 г. советник президента РФ Б. Ельцина Анатолий Ракитов. Он опубликовал статью со знаковым названием и содержанием: «Нужно сменить ядро русской культуры» (Ракитов, 1992).

А прагматический смысл этого этапа ломки массовой этики в 1998 г. наиболее ярко и откровенно выразил бывший глава МИД России Андрей Козырев: «...Я-то считаю, что нет никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо. А хорошо живут на Западе... Вся русская аристократия, купечество, писатели, интеллигенция – они все жили в Западной Европе. И это не случайно. Все остальное – это демагогия для несчастных. Если у вас нет денег купить виллу на южном берегу Франции, то вам начинают сочинять сказку, что вам этого и не надо, вы живите вот здесь, в Азиопе» (Козырев, 1998).

Еще одним направлением ломки массового советского самосознания в тот период стала активная политика многих «мейнстрим-

ных» СМИ по дискредитации победы СССР в Великой Отечественной войне и героической роли двух поколений советского народа в этой победе. В ход шли мифы о том, что пути продвижения германских войск «заваливали трупами советских солдат», что «победили заградотряды», и даже о том, что якобы Сталин готовил нападение на Германию, но «Гитлер успел раньше» (Суворов, 2014).

Таким образом, основным этическим содержанием советской перестройки стало активное разрушение массового сознания советских людей и внушение того, что ВЕСЬ морально-этический фундамент жизни этих людей в советскую эпоху был уродливым и «нецивилизованным». Иными словами, под руководством высших идеологических органов КПСС происходило навязывание советским гражданам глубокого комплекса исторической, социальной, политической, экономической, культурной неполноценности, недееспособности и вины. И лишь на этом фоне оказалось возможно начать другой – главный для инициаторов – процесс преобразований: передачу в частную собственность советских экономических активов.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ

Открыли процесс передачи в частную собственность этих активов революционные изменения в советском экономическом законодательстве.

В ноябре 1986 г. был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», который разрешил предпринимателям-индивидуалам приобретать неиспользуемые материалы и имущество у предприятий⁵. На основе этого закона впервые появились

⁵ Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности». URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=245#0>.

легальные возможности для обеспечения частных предпринимателей и кооператоров сырьем. Часть «теневиков» позднесоветской эпохи, которые занимались производством и продажей на рынках потребительской продукции из так называемого левого сырья, сразу начала легализоваться в форме кооперативов и работать «на рынке» вполне официально.

Однако уже в феврале 1997 г. было выпущено Постановление Совета Министров СССР⁶, которое разрешило создание совместных предприятий (СП) с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран. Постановление фактически предусматривало полную свободу определения самими СП всех условий своей работы на советском и мировом рынке – от перечня и цены вносимого в совместное предприятие имущества до программ хозяйственной деятельности, от условий проведения экспортно-импортных операций до исчисления налога на прибыль.

Начавшее возрождаться кооперативное движение стало криминализироваться, что называется, «на корню». Уже созданные и вновь создаваемые при госпредприятиях кооперативы спешно преобразовывались в СП. Ценные материальные запасы предприятий через эти СП вывозились за рубеж, где их рыночная цена в пересчете на валюту была во много раз выше, чем в СССР. А за рубежом начали накапливаться те нелегальные капиталы, которые позже стали базовыми для приватизации общенародной (по Конституции) советской собственности.

Принятый в июне 1987 г. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)»⁷ резко активизировал эти про-

⁶ Постановление Совмина СССР от 13 января 1987 г. № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран». URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/83>.

⁷ Закон СССР от 30 июня 1987 г. № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=886#0>.

цессы. Он позволил предприятиям выходить из подчинения министерствам и ведомствам и почти неограниченно – по решению руководства и трудового коллектива – распоряжаться всей материальной собственностью предприятия и его финансовыми активами, включая амортизационные отчисления, а также структурно разделять или объединять предприятия, включая создание объединений любых форм собственности с советскими и зарубежными партнерами. Кроме того, предприятия получили право самостоятельно утверждать собственные планы выпуска продукции и цены на эту продукцию, а также самостоятельно проводить экспортно-импортные операции.

Этот закон практически полностью обрушивал все условия деятельности в стране институтов административно-плановой экономики в условиях, когда не были созданы хотя бы минимальные институты экономики рыночной. Этот закон открывал дорогу «живому творчеству» управленцев – и они занялись фактической «перекачкой» государственной (вновь напомним, по Конституции – общенародной) собственности, включая материалы, продукцию, основные фонды и денежные средства предприятий, в частные карманы, в том числе за рубеж.

В мае 1988 г. был принят Закон СССР «О кооперации в СССР»⁸, разрешивший кооперативам «...продавать и передавать другим предприятиям, организациям, учреждениям и гражданам, обменивать, сдавать в аренду, предоставлять займы и в бесплатное временное пользование здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, инвентарь, сырье и другие материальные ценности, а также списывать с баланса основные фонды, если они изношены или морально устарели».

Перечисленные законы начали стремительно криминализовать вслед за так называемым кооперативным сегментом позднесоветского хозяйства почти все сферы

возникающей в стране псевдорыночной экономики. Поскольку возникла возможность перетока не только сырья и материалов, но и основных фондов, включая здания, оборудование и станочный парк, из государственной собственности в собственность кооперативов и частных компаний, принадлежащих физическим лицам, а далее – на стихийный, на тот момент совершенно не оформленный институционально и законодательно, «свободный рынок», а также за рубеж.

К 1990 г. в СССР насчитывалось 245 тыс. кооперативов с общей численностью работников более 6 млн человек, включая крупные «кооперативные» коммерческие банки. Фактически же эти банки – числом около 700 – возникали на месте советских специализированных банков и их филиалов в результате «теневой» приватизации еще до появления законодательства о банковской деятельности.

Такая незаконная и нелегальная (т.е. фактически криминальная) приватизация не могла не стать сферой повышенного внимания оформившихся и разросшихся за годы перестройки преступных сообществ. И они занялись в отношении новых хозяев приватизированных советских предприятий и банков (не имеющих легального статуса и безусловной защиты законодательством) массовым рэкетом. Эти новые отношения, в свою очередь, стали важнейшим фактором проникновения в «теневые» приватизированные активы открытого криминалитета с его специфическими «этическими нормами».

Подчеркнем: процессы «теневой приватизации» и проникновения криминалитета в сферу экономического управления начались задолго до появления хоть каких-то нормативных оснований рыночной экономики. Такие основания – причем только «рамочные», а не законодательные – появились лишь в середине–конце 1990 г., когда Верховный Совет СССР принял постановление «О концепции перехода к рыночной экономике»⁹

⁸ Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (в ред. от 7 марта 1991 г.) «О кооперации в СССР». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1361/.

⁹ Постановление Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. № 1558-1 «О концепции перехода к

и «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике»¹⁰. Эти постановления уже официально предусматривали демополилизацию, децентрализацию и разгосударствление собственности, учреждение акционерных обществ и банков, развитие частного предпринимательства.

Позже «Экономический обзор ОЭСР» констатировал: «Приватизация в России началась в отсутствие необходимой нормативной базы... к лету 1992 г. более 2000 предприятий были приватизированы “стихийно”» (Экономические обзоры, 1995).

В марте 1991 г. был принят Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹¹. На этот закон и его «антимонопольные» требования руководители многих крупнейших производственных и научно-производственных объединений (включая оборонный сектор советской промышленности) ответили выводом из этих структур входящих в них заводов, лабораторий, цехов и НИИ вместе с их основными и материальными фондами (Joskovy, 1994).

Часть этих фондов вскоре также оказалась на «свободном рынке». Кроме того, такое разделение производственных комплексов приводило к разрыву технологических цепочек и делало «выделенные» части ранее единого целого «ограниченно работоспособными». Знаменательно, что в первую очередь от этого целого, как правило, «отрывались»

торговые подразделения, способные аккумулировать торговую прибыль. А эта прибыль через создаваемые СП уходила за рубеж.

Таким образом, уже на первом, позднесоветском этапе «перестройки» российской социальной и экономической системы и в ее нормативную законодательную базу, и в хозяйственно-экономическую практику вносились изменения, фундаментально меняющие социальную и предпринимательскую этику. Эти изменения фактически навязывали всем экономическим акторам «переломной» эпохи морально-ценностную инверсию тех норм «морального кодекса строителя коммунизма», которыми эти акторы были обязаны руководствоваться в своей прежней советской жизни.

Новыми, причем уже формально легализованными нормами становились и фактическое воровство с родного завода, и продажа ворованного за рубеж, и укрывание валютной прибыли от этой продажи в зарубежных юрисдикциях. Отметим: уже тогда возникла достаточно массовая генерация «новых собственников», которые открыто гордились тем, что сумели в отличие от «лохов-неудачников» украсть, продать и спрятать прибыль.

Иными словами, еще до окончательного распада СССР в стране готовилась социально психологическая и морально-этическая почва для последующей – как показала жизнь, глубоко криминализованной – постсоветской приватизации.

регулируемой рыночной экономике в СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3047#0>.

¹⁰ Решение Верховного совета СССР от 19 октября 1990 г. «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3676#0>.

¹¹ Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51/.

Список литературы

- Вахитов К.И. История потребительской кооперации России. Ч. 1. М.: Дашков и К°, 1998.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Геллер М. Машины и винтики. История формирования советского человека. М.: МИК, 1994.
- Глинчикова А. Раскол или срыв «русской Реформации»? М.: Культурная революция. 2008.

- Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России до октября 1917 г. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 24–40.
- Елютин О. Кооперация в России – невестребованный опыт // Наука и жизнь. 2003. № 5. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2887/>.
- Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Минск: Харвест, 1995.
- Зиновьев А. Гомо советикус. М.: Центрполиграф, 2000. Как ломали энп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2000.
- Козырев А. Эффект тихой дипломатии. Интервью А. Козырева // Московские новости. 1998. 22 дек.
- Ларин Ю. Частный капитал в СССР // Государственная служба. 2000. № 1 (7). С. 135–154.
- Лемке М.К. 250 дней в Царской ставке. 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. С. 349–353, 356–357.
- Нузов В. Интервью с А.Н. Яковлевым // Демократический выбор. 2001. 9–15 авг. № 32.
- Попкова Л. Где пышнее пироги // Новый мир. 1987. № 5.
- Порат Ф. Диагноз: «Homo Sovieticus» // Огонек. 1987. Март.
- Ракитов А. Нужно сменить ядро русской культуры // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
- Романенко Е.В. Нил Сорский и традиции русского монашества. М.: Памятники исторической мысли, 2003.
- Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революциях 1905–1907 гг. М.: Наука 1989.
- Суворов В. Ледокол. М.: Добрая книга, 2014.
- Такер Р. Сталин. Путь к власти 1879–1929. М.: Прогресс, 1991.
- Ульянова О.А. Быть или не быть энпу? Экономические дискуссии 1920-х годов // Экономический журнал. 2010. № 20.
- Федотов Г.П. Стихи духовные. М.: Прогресс; Гнозис, 1991.
- Черной Л.С. Социальные факторы и риски экономического развития России. История и современность. М.: ИКЦ «Академкнига», 2004.
- Черной Л.С. Трансформации предпринимательской этики в Новое и Новейшее время // Экономическая наука современной России. 2014а. № 3. С. 104–117.
- Черной Л.С. Предпринимательская этика и экономическое развитие: парадоксы современности // Экономическая наука современной России. 2014б. № 4. С. 49–64.
- Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6.
- Шмелев Н. Расплата за «Авансы и долги» // Московский комсомолец. 2009. 23 авг.
- Экономические обзоры Организации экономического сотрудничества и развития: Российская Федерация. М.: ЦИСН, 1995. С. 54.
- Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века. Вступительная статья // Чёрная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001.
- Joskovy P.L., Schmalensee R., Tsukanova N. Competition policy in Russia during and after privatization. Boston: Brookings Papers (Microeconomics), 1994. P. 13.
- Marquand D. The unprincipled society. L.: Cape, 1988.

Рукопись поступила в редакцию 24.03.2017 г.

TRANSFORMATIONS OF ENTREPRENEURIAL ETHICS IN THE IMPERIAL, SOVIET AND POST-SOVIET RUSSIA: PARADOXES AND PROBLEMS. PART 1

L.S. Chernoy

Chernoy Lev Semyonovich, Director of the Institute for Prospective Scientific Studies, Moscow, Russia, info@mir.ru

The article examines the specifics and history of the formation of entrepreneurial ethics in pre-revolutionary Russia, as well as its transformations in the course of Russian revolutions, in the Soviet era during the New Economic Policy period. Research embraces the transformations in cooperative / artel types of business at a later stage, in the «shadow» system of private entrepreneurship, and finally, in the times of the late Soviet and post-Soviet reforms. It is shown that sev-

eral stages of breaking the mass ethical norm «at the turns of the epochs» – could not but lead to serious destruction of the moral oriented basis of life in all social groups and in all strata of society. It is shown, that the «turns of the epochs» caused lasting and painful fractures between the outward normality of the state (the norms of written law) and the internal normality of citizens, communities and society (mass morality and the «customary law»). It is shown, that during the Soviet period, in the process of organizing economic life, authorities largely relied on the successive moral community specificity of mass self-awareness, including community forms of collective encouragement and punishment, as well as on religious ethical precepts transformed in the terminology of communism. It is established, that the late Soviet and post-Soviet so called «market» transformations of economic legislation, the purposeful discrediting of mass normative and ethical views of the Soviet era, as well as illegal and fraudulent privatization of substantial part of Soviet public property, led to deep chaos in the entire Russian institutional and regulatory system that ensures economic activity and social sustainability. It is shown, that this creates serious obstacles to the successful development of Russian statehood.

Keywords: entrepreneurial ethics, cooperatives, artel, marketization, informal institutions, criminalization, corruption, negative externalities.

JEL: N80.

References

- Chernoy L.S. (2004). Social factors and risks in the economic development of Russia. History and modernity. Moscow, IKTs «Akademkniga» (in Russian).
- Chernoy L.S. (2014a). Entrepreneurial ethics and economic development: The paradoxes of our time. *Economics of Contemporary Russia*, no. 4 (67), pp. 49–64 (in Russian).
- Chernoy L.S. (2014b). Transformation of entrepreneurial ethics in the New and Modern Times. *Economics of Contemporary Russia*, no. 3 (66), pp. 104–117 (in Russian).
- Davydov A.Yu. (1996). Free cooperation in Russia until October 1917. *Voprosy Istorii*, no. 1, pp. 24–40 (in Russian).
- Economic reviews... (1995). Economic reviews of the Organization for Economic Cooperation and Development: Russian Federation. Moscow, TsISN, p. 54 (in Russian).
- Eliutin O. (2003). Cooperation in Russia) *Nauka i zhizn'*, no. 5. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2887/> (in Russian).
- Fedotov G.P. (1991). Spiritual verses. Moscow, Progress, Gnozis (in Russian).
- Geller M. (1994). Machines and cogs. The history of the formation of the Soviet man. Moscow, MIK (in Russian).
- Glinchikova A. (2008). Split or disruption of the «Russian Reformation»? Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia (in Russian).
- How NEP was being destroyed. (2000). Transcripts of plenums of the Central Committee of the All Russia Communist Party (B) in 1928–1929. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia» (in Russian).
- Iakovlev A.N. (2001). Bolshevism: A social disease of the 20th Century. Introductory article. *Chernaia Kniga Kommunizma*. Moscow, Tri veka istorii (in Russian).
- Joskov P.L., Schmalensee R., Tsukanova N. (1994). Competition policy in Russia during and after privatization. *Brookings Papers: Microeconomics*. Boston, p. 13.
- Kozyrev A. (1998). The effect of Silent Diplomacy. *Moskovskie Novosti*, Dec. 22 (in Russian).
- Larin Iu. (2000). Private capital in the USSR. *Public Administration*, no. 1 (7), pp. 135–154 (in Russian).
- Lemke M.K. (2003). 250 days in the Imperial Headquarters. Minsk, Kharvest, pp. 349–353, 356–357 (in Russian).
- Marquand D. (1988). The unprincipled society. London, Cape.
- Nuzov V. (2001). Interview with A.N. Yakovlev. *Demokraticheskii Vybor*, no. 32, Aug. 9–15 (in Russian).
- Popkova L. (1987). Where the pies are lush. *Novyi mir*, no. 5 (in Russian).
- Porat F. (1987). Diagnosis: «Homo Sovieticus». *Ogonek*, no. 3 (in Russian).
- Rakitov A. (1992). The core of Russian culture has to be replaced. *Voprosy Filosofii*, no. 5, pp. 3–15 (in Russian).

-
- Romanenko E.V. (2003). Nil Sorsky and the traditions of Russian monasticism. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).
- Senchakova L.T. (1989). The peasant movement in the revolutions of 1905–1907. Moscow, Nauka (in Russian).
- Shmelev N. (1987). Advances and debts. *Novyi Mir*, no. 6 (in Russian).
- Shmelev N. (2009). Payment for “advances and debts”. *Moskovskiy komsomolets*, Aug. 23 (in Russian).
- Suvorov V. (2014). Icebreaker. Moscow, Dobraya Kniga (in Russian).
- Tucker R. (1991). Stalin as revolutionary: 1879–1929. Moscow, Progress (in Russian).
- Ul'ianova O.A. (2010). NEP: to be or not to be? Economic debates of the 1920s. *The HSE Economic Journal*, no. 20 (in Russian).
- Vakhitov K.I. (1998). The history of consumer cooperation in Russia. Moscow, Dashkov and C (in Russian).
- Weber M. (1990). The protestant ethic and the spirit of capitalism. Moscow, Progress (in Russian).
- Zen'kovskii S.A. (1995). Russian old believers: Spiritual movements of the Seventeenth Century. Minsk, Kharvest (in Russian).
- Zinov'ev A. (2000). Homo Sovieticus. Moscow, Tsentrpoligraf (in Russian).

Manuscript received 24.03.2017